

В. Г. ГАРЕЕВА, Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, ассистент

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: КОММУНИКАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

«Если для большинства американцев и жителей Западной Европы Вторая мировая война ушла в историю, то в России и в Восточной Европе продолжают яростно обсуждать ее причины и итоги, да так, что иногда кажется, что боевые действия еще в разгаре», — пишет *“The Christian Science Monitor”* (*Уэйр Ф.* Путин едет в Польшу, споры о Второй мировой разгорятся с новой силой // *The Christian Science Monitor*. URL: // www.inosmi.ru). Так, многие поляки (по данным газеты *“Rzeczpospolita”* от 28 августа 2009 г. — 76 %), жители прибалтийских республик требуют от Москвы извинения за пакт Молотова — Риббентропа. В. Ющенко, покидая пост главы украинского государства, присвоил звание героя лидеру Организации украинских националистов Степану Бандере. «„Герой Украины“ вызвал раскол в своем народе внутри и снаружи», — пишет *“The New York Times”* (*Clifford, J. Levy.* Hero of Ukraine Splits Nation, Inside and Out // *The New York Times*. 2010. 2 March). В другой постсоветской стране — Узбекистане с середины 1990-х годов СМИ упоминают Великую Отечественную войну только как «Вторую мировую». Несмотря на отмену цензуры, ордена и медали ветеранов Великой Отечественной войны на фото в некоторых официальных газетах до сих пор затирают ретушеры. Возможно, это «рвение» обусловлено борьбой с советским прошлым и остатками его символики (*Кравец П.* В Узбекистане осталось двенадцать с половиной тысяч ветеранов Великой Отечественной войны. URL: <http://www.ferghana.ru>).

На этом фоне, по мнению экспертов, Россия не может безоговорочно осудить советское прошлое и советские преступления, так как все это связано с позиционированием себя как сверхдержавы — во многом на основе победы СССР над нацистской Германией.

Действительно, День Победы объединяет сегодня российское общество, придает ему чувство единства. С одной стороны, сегодня выказывается глубокое уважение к ветеранам, СМИ пестрят заголовками о фальсификации истории в некоторых странах, о предоставлении российским государством ветеранам жилья к празднику, о вручениях им орденов и медалей, удостоенных еще в сороковых. С другой стороны, на различных интернет-сайтах отмечается все нарастающее чувство неловкости из-за того, что власть «примазывается» к победе. В стране сегодня не так много достижений, не так много оснований для уважения. И здесь обращение к Победе — главный момент, который придает людям чувство собственного достоинства, само уважения (см. интервью с директором Левада-центра Львом Гудковым в программе «Общественное мнение» на «Радио Свобода» 11 мая 2008 г.).

Из всей информации, из всех историй, рассказов о войне в основном отбирается то, что прославляет страну. Момент страданий, гибели, то, что связано с ценностью человека, отодвигается на второй план. Поэтому и бросается в глаза демонстративное, подчеркнутое внимание к ветеранам только в определенные дни.

В современной России момент исключительности, уникальности, единственности победы во Второй мировой войне только усилился. Причем события войны не просто мифологизируются с идеологическими целями, как прежде, но становятся рекламным продуктом в большинстве сегодняшних «юбилейных» теле- и радиопроектах.

С. Н. ГЛАДЫШЕВА, Воронежский гос. ун-т, доцент

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПУБЛИЦИСТИКЕ М. ОСОРГИНА

События войны нашли отражение в публицистических циклах эмигранта первой волны М. Осоргина «В тихом местечке Франции» и «Письма о незначительном», которые были написаны в маленьком французском городке Шабри, где писатель обосновался, покинув захваченный немецкими фашистами Париж. Первая публикация корреспонденций Осоргина из воюющей Европы состоялась в 1940–1942 гг. в авторитетной газете русского зарубежья «Новое русское слово», выходящей в США.

Создавая «В тихом местечке Франции», автор избрал дневниковую форму изложения, позволяющую фиксировать и детали внешней жизни, и оттенки собственных переживаний. Но это дневник особого рода, в котором автор сознательно отказывается от датировки, поскольку он вел «запись не поденных, а едва ли не полчасных впечатлений, в любой момент тишины или ее резкого нарушения, во все минуты жизненного неправдоподобия» (*Осоргин М. В тихом местечке Франции: письма о незначительном. М., 2005. С. 10.* — Далее ссылки на это издание даются с указанием только страницы). По Осоргину, прежний человеческий счет отменен в «мире опрокинувшемся»; время, прожитое им с июня по декабрь 1940 г. в Шабри и описанное в дневнике, равняется тысяче лет.

В центре публикации — «тысячелетние» переживания автора, «когда жизнь в любую минуту может пресечься»; «жизнь в обстановке смерти, вплотную подошедшей» (с. 10); «маленькая история душ, сжатых в комочек» (с. 9–10). Человек перед лицом войны, страшной надвигающейся катастрофы, которая идет за ним по пятам; человек, не принимающий войну, отрицающий ее, — вот на чем сосредоточил внимание Осоргин и в дневнике, и в «Письмах о незначительном». По мысли автора, у войны нет оправдания, так как она «сама по себе есть высшая форма преступления (соединение убийства, насилия и вооруженного грабежа).

«Я проклинаю войну, всякую войну, каков бы ни был ее облик, чем бы она ни была вызвана. Все лучше, чем война», — уверен Осоргин. (с. 30). «Война принижает дух, ничем его не обогащая» (с. 34), «победителей на войне не бывает — все будут побежденными» — утверждает публицист (с. 106). Его поражает ужасная «бессмысленность человеческих испытаний, их явная ненужность» (с. 131). Осоргин ставит диагноз современности: «мы живем в дни механизированного безумия» (с.131), «в преступном мире с оледенелым сознанием» (с. 213); мир алогичен, в нем принят «за основной закон существования взаимоубийство» (с. 502).

Осоргин уверен, что «в дни безвременья, когда нет ни начал, ни завершений, ни творческих попыток», неправомерно забывать о нравственной, духовной стороне жизни. В противном случае — люди потеряют человеческий облик. Кроме огромных человеческих жертв война, по его мнению, страшна тем, что теряют значение «вопросы нравственного порядка, и в единую кучу нерасцепимых бирюлек сваливаются понятия подвига и предательства, милосердия и жестокости, любви и ненависти, добра и зла» (с. 503).

Заслуживает внимания позиция Осоргина по отношению к родине, подвергнувшейся нападению фашистских полчищ. Всегда четко разграничивающий Россию и большевистский режим, он корректирует свою позицию: «...Когда швыряются бомбы в московский Кремль, они не в Сталина швыряются, а в сердце России, в ее историческое бытие» (с. 399). Публицист не скрывает патриотических чувств, отмечая, что «именно в эти дни рождается в душе убеждение, что голос крови, нерассуждающая привязанность, простая любовь — лучше и чище высокочудных соображений и искусственно взрожденного космополитизма» (с. 400).

М. Осоргин в публицистических циклах ставил вневременные проблемы, которые «выше Гималаев и обширнее океана» (с. 499): война и мир, взаимоотношения человека и мира, свобода и достоинство человеческой личности. Дневники и письма публициста обращены ко всем читателям сразу и к каждому в отдельности, автор делится с адресатами с сокровенными мыслями, приглашает к соразмышлению. Последние произведения Осоргина стали его своеобразной исповедью на излете жизни — в 1942 г. он умер.

Е. ИСХАКОВА, СПбГУ, студентка

ВОЙНА — НЕ ЖЕНСКОЕ ДЕЛО?

Женщина и война... Казалось бы, эти понятия несовместимы. Могучая статуя Родины-матери на легендарном Мамаевом кургане — с детства мое олицетворение войны. Парадокс: прекрасная женщина с грозно вознесенным мечом возмездия... жертвуя всем, она одержала победу.

Тема женщины на войне всегда уходит на второй план. Наверное, так и должно быть. Но все же уверена: все эпитеты великой Войны, а потому и великой Победы за родное Отечество, можно с гордостью приписать и женщине! Об этом многие пели и писали в роковые сороковые, убеждались солдаты и командиры, и, что особенно важно, об этом знала гитлеровская армия.

Не было такого фронта, не было такого рода войск, не было такой победы и такого поражения, радости или горя, которого не испили бы вместе с армией женщины. Даже возникла языковая проблема: у слов «танкист», «пехотинец», «автоматчик» до того времени не существовало женского рода, потому что эту работу еще никогда не делала женщина. Самоотверженной работе женщин уже в 1941 — начале 1942 г. было посвящено немало очерков. Однако, как для матери, особенно пронзительной для меня стала статья Александра Фадеева «Дети блокадного Ленинграда» (1942). Публицисту удалось через ранимую детскую психику показать, насколько тяжело взрослому помочь осиротевшему ребенку в сложившейся ситуации. Справиться могла только женщина, женщина-мать.

Лидия Сейфуллина в очерке «Три письма» (1941) разгадала силу материнской любви. С самого начала война творилась матерями: войны без воинов не бывает, а они — рожденные женщинами дети. Их отдавали матери войне для Победы, ради нее! Непонятое фашистами чувство сыграло свою роль: «Подлинно свят тот бой, в который мать сама посылает кровного сына, плоть от плоти своей, кость от кости своей. Справедлива, счастлива и победоносна страна, в которой матери отдают самую священную свою любовь. Ни одному врагу, какой бы технической мощью он ни обладал, не подмять, не сокрушить, не победить такой страны!»

Поток писем шел на фронт и с фронта, по всей стране. Люди ощутили потребность в теплом общении друг с другом. Тогда же, с 1941 г., огромное число писем стало приходить на радио, в редакции газет. На страницах газет размещались подборки: «Я обращаюсь к вам от советских матерей», «Сыны, выполните свой долг!», «Слушайте, сыны мои!», «Письма русских матерей защитникам Родины». Нельзя не сказать и о сокровенной, интимной силе письма. Это — исповедь. Перед смертью или, наоборот, с радостным предчувствием скорой победы отважные воины обращались к матерям, женам, детям. «... Жена, Юрашка, Женька, я вас очень люблю. Мне не жалко смерти, а поцеловать вас хочется. Крепко вас целую; я умер в атаке, ранен в живот, когда подымал бойцов... Я уверен, что мы победим, вам будет хорошая жизнь. Наши прорвались, бегут вперед, значит, я умираю недаром... Миша».

Стихотворение Константина Симонова «Жди меня», чрезвычайно популярное в годы войны, акцентировало образ жены, ожидавшей бойца в глубоком тылу.

Какой же силой духа надо было обладать, чтобы сознательно благословлять всех тех, кто уходил воевать! Кровных родных, любимых вот так оторвать от сердца, обливающегося кровью, возможно, раз и навсегда! Понимали: жить по-настоящему счастливо можно только непокоренными, не рабами!

Те же святые чувства осеяли на подвиг молодых женщин и девушек. Всё что написано о них и то, о чем удалось прочесть, написано — слезами. Созданные на документальной основе, очерки о Тане и множество иных репортажей заслужено вошли в золотой фонд советской литературы периода Великой Отечественной войны. Андрей Платонов, как и Пётр Лидов, создавая очерк о девушке Розе, опирался на факты, воспоминания очевидцев. Спустя десятки лет статья «Девушка Роза» (1943) рисует в сознании ужасающие кадры той военной реальности. . . жестокости фашиста над слабой женщиной с неподвластным им русским духом:

«Розу вызвали на допрос. Роза всего не знала, а что знала, про то сказать не могла. . . Для Розы принесли пивную бутылку, наполненную песком, и били ее этой бутылкой по груди и животу, чтобы в ней замерло навсегда ее будущее материнство; потом Розу гибкими железными прутьями, обжигающими тело до костей, и когда у неё заходило дыхание, а сознание уже дремало, тогда Розу „одевали в новое платье“: ее тело пеленали жестким черным электрическим проводом, утопив его в мышцы и меж ребер, так что кровь и прохладная предсмертная влага выступала наружу из тела узницы; потом Розу уносили обратно в одиночку и там оставляли на цементном полу; она всех утомляла — и следователей, и „мастеров того света“».

Читать это впервые было тяжело, печатать, перечитывая вновь — непостижимо тяжело.

Верный своей профессии А. Платонов узнал всю правду до конца.

«Следователь считал, что нужно бы из Розы сделать постоянный живой пример для устрашения населения, образец ужасной муки для всех непокорных; мертвые же не могут нести такой полезной службы, они вызывают лишь сочувствие.

— Полжизни ей надо дать! — сказал „скорый Ганс“ — Я из нее полудурку сделаю. . .» Наутро выпустили Розу из тюрьмы. Она не понимала в себе перемен и никак не могла убежать, вырваться, очнуться от этого смутного равнодушного долгого сна. Лишь на минном поле, куда неосознанно рвалась ее непокоренная душа, она по-настоящему заснула вечным тихим славным сном.

В порыве чувств, переживаний слово журналистов превратилось в нечто большее.

Не секрет, что у женщины был свой взгляд на войну. Не раз по радио зачитывались стихотворения, очерки, статьи, написанные женщинами. Среди них А. Ахматова, О. Берггольц, В. Инбер, Л. Сейфуллина и др. Для себя открыла облик блокадного Ленинграда Веры Инбер. Всё, о чем пишет автор, оживает. Будь то окна, двери, дома или памятники блокадного города, растения в Ботаническом саду, маленький мальчик — у каждого своя боль от этой войны, наша общая боль.

Мне нередко приходится работать с интуристами, в частности с немцами. Посещая наш город и его пригороды, они удивляются, радуются, интересуются, восхищаются. В экскурсиях непременно рассказываю и о блокаде, о Великой Отечественной войне. Не скажу, что эта тема их не интересует или раздражает. Немцы

отлично эрудированны. Однако есть кое-что, о чем не прочтешь в путеводителе или какой-либо иной литературе. Экспозиция музея содержит до- и послевоенные фотографии отдельных памятников, дворцов-музеев, парковых павильонов. Фактически это руины. В Екатерининском дворце Царского Села при выходе из каждого зала вниманию туриста представлены уникальные фотографии 1945 г. Для меня это своеобразное место «шока». Здесь не только немцы, но и российские туристы поначалу просто молчат. Ведь только что они познакомились с великолепным интерьером, подлинными предметами декоративно-прикладного искусства — и тут такое. Как возможно голым кирпичным стенам подарить еще одну жизнь? Воссоздать всё исключительно по образцам чудом уцелевших фрагментов резьбы, паркета, образцов ткани? Ответ — в том, каким образом нам удалось победить мощного, жестокого, великолепно технически оснащенного противника. Сила любви к Отчизне советского, русского гражданина не может знать границ. Об этом писал каждый военный журналист, публицист; этим жила каждая женщина на войне.

А. Н. КАШЕВАРОВ, СПбГУ, профессор

ТЕНДЕНЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ПЕЧАТЬЮ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ 1941–1945 годов

С 1990-х годов комплекс основных проблем внешней и внутренней жизни Русской Православной Церкви (РПЦ) в такое сложное и ответственное время, как Великая Отечественная война, стал предметом специального и интенсивного изучения отечественных историков. Однако результаты этого изучения далеко не всегда находят адекватное отражение в современной публицистике и периодике, касающихся положения и деятельности РПЦ в 1941–1945 гг. Особо следует выделить две тенденции, которые требуют критического анализа и осмысления с точки зрения соответствия их исторической действительности.

Первая — это представить преимущественно в положительном свете церковную политику немецких оккупантов, прежде всего их военной администрации, действия которой в этом вопросе безоговорочно оцениваются как направленные лишь на религиозное возрождение на захваченной в годы войны территории Советского Союза. Тем самым делаются попытки поставить под сомнение правильность позиции Московской Патриархии, руководство которой с первого дня войны призвало народ к защите Родины и тем самым и поддержало атеистическое государство. Наиболее полно подобные взгляды нашли отражение в сборнике проповедей и публицистических выступлений протоиерея Г. Митрофанова, «Трагедия России: „запретные“ темы истории России XX века» (СПб., 2009). Между тем картина церковной жизни в годы оккупации была не столь уж светлой, как рисует ее Митрофанов.

Немцы действительно позволили открывать храмы, руководствуясь при этом задачами, изложенными в циркуляре Главного управления имперской безопасности от 16 августа 1941 г.: пропаганда идеи, что новый режим несет религиозную свободу; дробление («атомизация») различных конфессий и церквей во избежание их возможной консолидации для борьбы с Германией и, не останавливаясь ни перед какими средствами и методами воздействия, установление полного над ними контроля, а также использование церковных организаций для помощи военной администрации на оккупированной территории. Примечательно, что в директиве этого управления от 31 октября 1941 г. уже проявлялась озабоченность массовым всплеском религиозности и впервые были указаны долгосрочные цели религиозной политики гитлеровской Германии в отношении православия: в случае победы его стали бы уничтожать, насаждая новую религию, лишённую основных христианских догматов. Документ содержал ссылки на личные указания Гитлера. Если в 1941–1942 гг. отдельные представители германской администрации и офицеры вермахта положительно относились и даже помогали открытию храмов, в 1943–1944 гг. подобное уже исключалось. Была полностью запрещена поддержка со стороны вермахта или германской администрации в открытии церквей, а также участие военного персонала в богослужениях в этих храмах.

Другая тенденция, характерная для ряда изданий, — это тиражирование всякого рода легенд, объясняющих крупнейшие победы советских войск: под Москвой, Сталинградом, Курском и других — помощью небесных сил. Одна из них гласит: «Зимой 1941 г. изрядно смутившийся Сталин вспомнил свое единственное, хотя и незаконченное образование, — Тбилисскую духовную семинарию и призвал к себе в Кремль духовенство для молебна о даровании победы; тогда же чудотворная Тихвинская икона Божией матери из Алексеевской церкви в Тихвине была на самолете обнесена вокруг Москвы и Москву от врага спасла» (*Паламарчук П.* Сорок сороков. Т. 1: Кремль и монастыри. М., 1992. С. 16). Эта легенда никак не опирается на реальные события. Упомянутая в ней икона оказалась на оккупированной немцами территории, и уже поэтому ее не могли на самолете обносить вокруг столицы. Подобного рода легенды из церковной публицистики и периодики переносятся порой и в научные издания. В книге «За веру и отечество», изданной в Самаре к 50-летию Победы, В. Якунин пишет: «... Потому-то и не суждено им (немцам. — А. К.) было пройти по Питеру победным маршем, что встретили перед собой непреодолимую преграду. Той преградой был круг, который очертил перстом на карте митрополит Ленинградский Алексей, а затем облетел на самолете по этому кругу и окропил его святой водой. Подойдя к городу, немецкие танки встали, словно вкопанные, и ни на метр не продвинулись вперед, хотя им путь был открыт». Свидетельств о каких-либо полетах митрополита на самолете вокруг блокадного города, да еще с окроплением его святой водой, нет.

Некоторые авторы подробно останавливаются на многочисленных мифах, бытующих среди верующих, об обращении Сталина в годы войны к религии (см.: *Аруева Л. Н.*

Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2010. С. 28–29). Сталин любил цитировать Библию, но говорить о будто бы проявившейся у него в годы войны религиозности не приходится. И в атеизме, и в религии он видел общественные явления, которые должны были служить существовавшей в СССР системе каждое по-своему. Светские авторы, излагающие подобного рода легенды, большей частью предпочитают их не комментировать, тем самым как бы молчаливо соглашаясь с вымыслами, которые не соответствуют исторической действительности.

Русская Православная Церковь действительно внесла весомый вклад в победу народов СССР над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Она создавала, по словам митрополита Алексия (Симанского), «нравственные условия победы».

Д. Е. КОЛЕЗЕВ, Уральский гос. ун-т (Екатеринбург), ассистент

БЛОГЕРЫ ОБСУЖДАЮТ ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

Тема участия СССР во Второй мировой войне занимает умы не только историков, публицистов и журналистов, но и блогеров. Год от года сообщений, в которых так или иначе затрагивается тематика Великой отечественной войны, становится все больше.

По данным сервиса компании «Яндекс» «Пульс блогосферы» (URL: <http://blogs.yandex.ru/pulse/>) в 2006 г. в среднем блогеры Рунета писали о ВОВ 750 раз в месяц, в 2007 г. — 1500 раз, в 2008 г. — около 2300 раз, в 2009 г. — уже по 4000–4500 раз в месяц. Традиционный и понятный пик интереса блогеров к Великой отечественной войне приходится на 5–12 мая каждого года. В 2009 г. в мае блогеры написали около 10 тыс. сообщений, затрагивающих тему войны и Победы. Можно предположить, что в мае 2010 г. таких публикаций станет значительно больше. Второй «сезонный» пик интереса, как правило, приходится на третью декаду июня и связан с годовщиной вступления СССР в войну (более 5 тыс. упоминаний в 2009 г.). Кроме того, всплеск интереса к тому или иному аспекту истории ВОВ может быть связан с появлением информационного повода (скажем, предложение Ю. Лужкова украсить Москву к 65-летию победы плакатами Сталина вновь вызвало дискуссию о роли генералиссимуса в войне и в Победе) или публикацией в популярном блоге (к примеру, демонстрация блогером Артемием Лебедевым цветных фотографий оккупированного немцами Харькова вызвала обсуждение того, насколько достоверно подается российскими учебниками истории история войны (URL: <http://tema.livejournal.com/381280.html>)).

Мониторинг онлайн-дневников позволяет перечислить главные темы дискуссий, разворачивающиеся в блогосфере вокруг участия СССР во Второй мировой войне:

— пакт Молотова–Риббентропа и планы СССР по разделу стран Восточной Европы;

— собственные намерения Иосифа Сталина по началу военных действий (версия Резуна — Суворова);

— готовность СССР к войне;

— история отдельных сражений и военных операций;

— истории отдельных участников боевых действий, в том числе простых военнослужащих;

— жизнь и быт оккупированных территорий;

— сотрудничество с силами гитлеровской Германии представителей отдельных наций и народов;

— «цена Победы»: вопрос выбора средств командованием советской армии (приказ «Ни шагу назад», операция по ускоренному штурму Берлина и т. п.);

— современное отношение к войне и к ее ветеранам.

В российской блогосфере есть значительное количество тематических сообществ, посвященных Великой отечественной войне («ru_pobeda», «partizanov»). Нередко полемика вокруг ВОВ поднимается в «политических» или «исторических» сообществах вроде «ru_politics» или «ussr_history». В преддверье 65-летия победы тема войны и Победы чаще звучит во многих популярных блогах. Например, известный журналист Владимир Соловьев стал публиковать в своем дневнике (<http://vsoloviev.livejournal.com>) присланные читателями истории о родных и близких, участвовавших в ВОВ. Журналист и издатель Андрей Мальгин на протяжении последних лет несколько раз обращался к вопросам роли СССР во Второй мировой войне, всякий раз вызывая жаркие споры среди читателей своего блога (<http://avmalgin.livejournal.com>).

Характерное отличие полемики в блогосфере от научных или печатных споров — в ее эмоциональности, циничности, подчас агрессивности. Нередко такая полемика приобретает характер перебранки и может вызвать отторжение у неподготовленного читателя. Тем не менее в подобных дискуссиях ярко и предметно проявляются полярные мнения по отношению к различным аспектам истории Великой Отечественной войны. Изучение и анализ таких выступлений помогает составить представление об отношении общества к самым героическим и печальным страницам отечественной истории XX в.

Д. Л. КРАСКОВ, Московский городской ун-т управления Правительства Москвы, студент

ВОЙНА ВОКРУГ ВОЙНЫ (ДИАЛОГ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО): БОРЬБА С ИСКАЖЕНИЕМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ

Основная угроза искажения исторической памяти исходит от различных псевдо-исторических теорий и попыток пересмотра итогов Великой Отечественной войны.

В первом случае, как правило, мы имеем дело с коммерческим продуктом, направленным на удовлетворение потребности части населения, не доверяющей официальной исторической науке. Решение данной проблемы лежит целиком на плечах профессиональных историков.

Во втором случае современное общество сталкивается с прямой угрозой переоценки результатов Великой Отечественной войны, которая исходит от двух процессов, происходящих в сознании некоторой части российского общества.

Первым является процесс героизации участников пронацистского коллаборационистского движения, состоявших в РОА, РОНА и прочих формированиях. Как правило, данный процесс связан с негативной оценкой коммунистического прошлого и ростом неонацистских настроений среди молодежи.

Вторым по значимости является процесс размывания самосознания народа и его исторической памяти в контексте политики глобализации, прививающей вестернизированной части российской молодежи ложные представления о ведущей роли США и Великобритании в победе над нацизмом.

Причины пересмотра результатов Великой Отечественной войны в странах бывшего СССР связаны с поиском национальной идентичности и необходимости противопоставления себя бывшей метрополии, в целях удержания власти национальных элит.

Болевыми точками на постсоветском пространстве являются Латвия, Эстония и Украина. Органы власти некоторых территорий, а зачастую и республиканские правительства способствуют проведению мероприятий (образовательных, культурных и т. п.) по героизации бывших легионеров СС и их пособников.

Причины пересмотра результатов Великой Отечественной войны в странах бывшего советского блока и других государствах Европы, попытка приравнивания действий коммунистической власти к преступлениям нацизма кроются в желании получить материальные и нематериальные дивиденды, выраженные, главным образом, в денежных компенсациях и снижении международного авторитета России, что следует рассматривать как проявление целенаправленной антироссийской политики.

Реакцией на вышеперечисленные процессы со стороны государства стало создание Комиссии при Президенте России по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Ее задача — обеспечить условия, при которых манипуляция историческими данными и их фальсификация в ущерб интересам России будут минимизированы.

Однако следует учитывать, что все обозначенные выше процессы (за исключением целенаправленной политики иностранных государств) зарождались в период распада СССР и на начальном этапе становления РФ, при выстроенной системе образования, что указывает на невозможность борьбы с искажением исторической памяти только средствами прямого государственного вмешательства.

Авангардом борьбы за историческую правду должно стать российское общество, сплоченное самосознанием народа-победителя, верное традициям, уважающее подвиг предков.

Только такое, здоровое, гражданское общество способно развиваться и уверенно смотреть в будущее, а значит, и хранить память.

Н. С. ЛАБУШ, СПбГУ, профессор

ВОЙНА И ДУХОВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАРОДА: РОЛЬ СМИ В ПРОЦЕССЕ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Человечество никак не может расстаться с войнами как средством достижения политических целей, хотя роль военной силы в современных условиях претерпела значительные изменения. Уроки прошлого требуют учитывать роль духовного потенциала народа в достижении победы. В арсенале средств как воздействия на население своей страны и личный состав ее Вооруженных сил, так и влияния на противника, а также формирования мирового общественного мнения в годы военного противоборства занимают средства массовой информации. Информационные ресурсы используются при подготовке к войне как повод для ее начала, для сопровождения / обеспечения боевых действий (внешний и внутренний аспект), закрепления результатов победы или оправдания поражения. Журналисты внесли значительный вклад в достижение победы в Великой Отечественной войне, поднимая моральный дух воинов.

В современном мире сохраняются угрозы национальным интересам, предотвратить которые возможно совокупностью средств. Возможность вооруженных конфликтов и новых войн сохраняется. Обороноспособность государства, его военная мощь — это совокупность материальных и духовных возможностей государства, которые могут быть использованы им для ведения войны, а также с целью решения других задач во внешней и внутренней политике с применением вооруженных сил. Она включает в себя наряду с другими и морально-политический потенциал — степень духовной готовности народа к решению стоящих перед обществом задач, в том числе и военных. СМИ в современных условиях являются важнейшим средством формирования духовного мира личности, его морально-политических и волевых качеств. Актуальна проблема информационной и духовной безопасности, которые тесно взаимосвязаны между собой. «Под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства» (Доктрина информационной безопасности Российской Федерации 2000 г.). Проблема духовной безопасности

российского общества как состояние защищенности всей совокупности ценностей духовной культуры и способности противостоять внешним и внутренним угрозам становится сегодня особенно актуальной и рассматривается в качестве одного из важнейших условий обеспечения национальной безопасности. В качестве реальной внешней угрозы духовности значительной части россиян, в том числе и военнослужащих, можно рассматривать информационную и духовно-психологическую экспансию средств массовой информации ряда зарубежных стран, в первую очередь США. Через российские СМИ духовно-культурное поле России интенсивно насыщается чуждыми ценностями. С помощью отдельных программ телевидения осуществляется широкомасштабная духовная агрессия, целью которой является смена духовного менталитета нации, деформация национального сознания, разрушение первооснов отечественной культуры.

Военная доктрина РФ 2009 г. отмечает, что характерной чертой современных вооруженных конфликтов является усиление роли информационного противоборства. Проблема медиатизации вооруженных конфликтов занимает умы ученых и специалистов. Примеры завоевания независимости Косова, Южной Осетии и Абхазии демонстрирует актуальность формирования мирового общественного мнения, а ведение боевых действий в Афганистане, Ираке поднимает значимость массмедийного воздействия как на вооруженные структуры противника при подготовке и ведении боевых действий, так и массированного информационного воздействия на население своих собственных стран.

Но, на наш взгляд, не следует преувеличивать степень информационного воздействия на международные политические процессы и любое информационное сопровождение боевых действий или активизацию информационного международного противоборства называть информационной войной.

А. А. МИХАЙЛОВА, Московский городской ун-т управления Правительства Москвы, студентка

ПРОШЛОЕ РОССИИ В ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ

Предыдущими поколениями моей семьи собран огромный материал, который дал мне возможность соприкоснуться с прошлым России. С раннего детства мне рассказывали о Герое Советского Союза — Зинаиде Ивановне Маресевой, родной сестре моей бабушки Александры Ивановны.

Зина родилась 20 июня 1923 г. в дружной семье Маресевых: отец Иван Петрович и мама Анна Васильевна воспитывали четырех дочерей.

Зинаида росла крепкой, бойкой девочкой, заводилой в играх, помощницей родителей, не боялась никакой работы, хорошо пела, играла на гитаре.

В начале 1942 г. отец ушел на фронт, несмотря на инвалидность с Первой Мировой войны и возраст, а было ему уже 46 лет. После ухода отца на фронт Зине пришлось оставить учебу в Медицинском училище и пойти работать. Пример отца сыграл большую роль в становлении ее героического характера.

В конце ноября 1942 г. она добровольно ушла на фронт. У стен Сталинграда получила боевое крещение. Под градом пуль сержант Маресева выносила тяжело раненых на себе к переправе на Волге. Все смешалось — дни и ночи, а девушка словно не уставала. Зина твердо верила в победу. За боевые отличия она была награждена медалью «За оборону Сталинграда». Наступление наших войск продолжалось. Зина была санинструктором 343-го стрелкового полка 38-й стрелковой дивизии Сталинградского фронта. И здесь она отличилась. Ей была вручена медаль «За боевые заслуги».

В минуты затишья она писала письма маме: «Пройдут годы, залечатся раны, на месте развалин будут снова построены заводы и фабрики. И вот один из таких дней будет очень замечательный для меня. Это будет день, когда я приеду домой. Он будет самый счастливый, теплый, солнечный, пусть будет даже зима...

Мама! Как хочется жить. Начинается лето, кругом леса, зелень. На несколько километров тянутся фруктовые сады...» Читаешь эти строчки и как будто слышишь ее голос, не просто голос, а крик молодой 19-летней девушки.

Лето 1943 г. — битва на Курской дуге. 1 августа 214-й гвардейский полк получил приказ форсировать реку Северный Донец южнее Белгорода. Подступы к реке находились под прицельным огнем. Сержант Маресева принимала участие во всех боях подразделения. Ее всегда видели на поле сражения. Санинструктор, гвардии старший сержант Маресева была награждена орденом Красной Звезды. Но его не успели вручить. В Центральном Архиве Министерства обороны сохранился наградной лист, в котором изложен личный боевой подвиг Маресевой Зинаиды Ивановны. «В период боев 1 и 2 августа 1943 года она оказывала помощь раненым. Одна группа бойцов после продолжительного боя начала отходить к реке. Санинструктор Маресева бросилась с пистолетом в руках к бойцам и с криком: „Ура! Вперед, за мной!“ увлекла их за собой.

Ночью 3 августа Зинаида переправляла раненых на другой берег реки на лодке. Недалеко от лодки разорвалась мина. Спасая командира, она прикрыла его своим телом и была тяжело ранена. В течение двух суток ею лично было вынесено с поля боя 64 раненых бойца и командира, из них 52 человека с личным оружием. От полученного ранения 6 августа 1943 года Зинаида Маресева скончалась в госпитале».

Зина выполнила свой священный долг. Она боролась за счастье народа, за мирное будущее нашей Родины!

В Волгограде есть Аллея Героев, там растут две березки, посаженные в честь Зинаиды Маресевой. Там же есть улица имени Зинаиды Ивановны Маресевой, в городе Вольске Медицинское училище носит ее имя. Говорят: «Героями не рож-

даются, ими становятся». Я согласна с этим. Но героями становятся не вдруг, не случайно. Зинаида Маресева — яркий пример того, как становятся героями. Вся жизнь она шла к своему главному подвигу, была веселой, яркой, упорной в учебе. И очень любила жизнь!

Т. В. ВАСИЛЬЕВА, СПбГУ, доцент

В. Г. КОВТУН, СПбГУ, доцент

В. Г. ОСИНСКИЙ, СПбГУ, доцент

ЛЮБИМЫЙ ГОРОД.

ОБРАЗ ФРОНТОВОГО ГОРОДА В ПЕРЕДАЧАХ БЛОКАДНОГО РАДИО

Ленинградцы военной поры буквально обожествляли свой город и готовы были жизнь отдать за него. И отдавали жизни! «Мы, ленинградцы, ныне держим знамя, Мы родины передовой отряд. Весь шар земной сейчас следит за нами, Пароль и отзвук мира — Ленинград» (О. Берггольц). Сам город стал особой субстанцией, объединяющей усилия защитников, символом сопротивления, несгибаемости, стойкости, несокрушимой уверенности в окончательной победе над врагом. Выжить все отнюдь не чаяли в этой беспримерной схватке, но в конечной победе не сомневались.

Этот феномен ныне не всеми поддается объяснению, но суть в том, что пропаганда единства народа, города, армии, страны превалировала во всех СМИ. Радио это делало особенно всесторонне, образно и последовательно, замещая подчас все другие гражданские институты.

Северная столица присутствовала в передачах во всем имперском блеске, пусть это был блеск прежде царской империи, затем советской, но факт тот, что на ее плиты, камни не ступала вражеская нога. Этот гордый холодноватый дворцовый блеск вполне уживался с брэндами, сказали бы мы ныне, «колыбель революции», «город Ленина». Так же, как на одной крыше сходились готовые сбрасывать руками термитные «зажигалки» седоусый путиловец, «старая барынька» в шляпке, конферансье, не успевший снять концертный фрак, и школьник из тех, кому «в сорок третьем выдали медали и только в сорок пятом паспорта» (Ю. Воронов). У каждого из них была своя любовь к родному городу. Но с августа 41-го, «когда воззвали рупора! Над нами грозная опасность, бери оружие, Ленинград!», эта любовь стала общей. Им объявили: «Враг у ворот!» — и время для всех и каждого потекло под неумолимым контролем радиометрона: тревога — отбой — обстрел, тревога — отбой — обстрел. . . Поразительно, но они чувствовали, нет, ясно сознавали великую историчность момента. От домохозяйки до командующего фронтом. В уникальном приказе не Верховного, как обычно, о победе и салюте, а ленинградского командующего Л. Говорова сказано: «Решена задача исторической важности — го-

род Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады». Но это в финале, а ленинградцы и на пути к победе ежечасно ощущали причастность к истории, вершившейся здесь, на берегах Невы. «Пока ты живешь в Ленинграде, подумай, что каждый день этого города неповторим». Это слова О. Берггольца.

Нам уже доводилось писать о пленительной образности ленинградского трамвайного репортажа. Вот и военный «Трамвай идет на фронт». Это необычайный репортаж. Действительно, в Ленинграде можно было на «четверке» либо «шестерке» отправиться из самого центра города на ближние боевые рубежи. Не сенсация ли это, может ли журналист пройти мимо такого факта? Этот вид транспорта вообще много значил в жизни Ленинграда, еще больше в жизни осажденного города. Войсковые резервы подвозились трамваем. Раненые отправлялись на нем в «тыловые» (в Мечниковскую больницу на другой конец города) госпитали. Трамвай наполнял внутренние транспортные артерии ритмом жизни. Недаром ликовал Питер после суровейшей первой блокадной зимы 41-го — 42-го годов, когда 7 марта на улицах вновь заливисто зазвенели звонки размороженных ленинградских трамваев! И с каким питерским щегольством звучали по радио трамвайные репортажи! С некой профессиональной журналистской лихостью, с чувством неоспоримой сенсационности, эксклюзивностью, с ощущением исключительности событий и людских поступков, о которых они повествовали. Вот такой парадокс: профессиональный восторг в блокадных условиях.

И еще: где, кроме нашего города, мог действовать в обстрелах и бомбежках летом 43-го года главный фонтан в саду у Адмиралтейства?! «Хотя статуи вокруг него изранены: пробита осколком щека бронзового Лермонтова, изувечена шея Пржевальского, — но фонтан сверкает и журчит, радуя глаз так же. Как цветы в Екатерининском садике и в саду Дворца пионеров» (О. Бергголец). Главные фонтаны еще во вражеском стане, еще не скоро увидят горожане их упругие голубые струи. Так пусть неистребимо бьет городской адмиралтейский фонтан. . .

Репортажный блокадный альманах «С микрофоном по фронтовому Ленинграду» даже записывался с дворцовым, что ли, блеском в звучании, с дворцовой акустикой (через ревербератор). Казалось, этот замерзший заснеженный город-памятник, город-дворец вещает из самых глубин своих — с четкостью артикулов почетного караула. С торжественностью глашатая сообщает обо всем: о порядке в уличном движении, о чистоте на фронтовых улицах. И о курятнике-инкубаторе в самом центре города, чуть ли не под Думой. Особый этот звук, он перешел потом в «Радиохроники», составившие фронтовую историю Ленинграда.

Заветная тема воспевалась всеми доступными средствами. На протяжении истории враги находили смерть под его стенами, а город оставался бессмертным. Чувства горожан и защищавших город армии и флота не могли не отразиться в передачах в честь 24-летия города. Звучала музыка петербургская — Глинка, Даргомыжский, Чайковский — и новые произведения ленинградских композиторов

фронтовиков: О. Евлахов, Г. Носов, Б. Асафьев, В. Богданов-Березовский, М. Глух. Каждый композитор-блокадник обращался к теме города.

Ныне широко известна история исполнения 7-й симфонии Шостаковича ради-офилармоническим оркестром. Имперский город не мог даже в тягчайших усло-виях оставаться без Большого симфонического оркестра, усиленного, кстати, воз-вращенными с фронта музыкантами и медной группой военных оркестров. Но на счету музыкальной редакции и другие подлинные подвиги. Среди них введение «Славься» Глинки в финал торжественной увертюры «1812 год» Чайковского, пре-мьеры патриотической кантаты «Москва» Чайковского и «Торжественной канта-ты» Глазунова (оба эти произведения не исполнялись с дореволюционных вре-мен), фактическое воссоздание оркестра народных инструментов имени Андрее-ва на радио, органическое и систематическое включение в радиопрограммы джа-за КБФ Н. Минха и пр.

«Иван Сусанин», «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Наталка-Полтавка», «Майская ночь», «Царская невеста», «Емельян Пугачев» М. Ковалю, «Боккаччо» Ф. Зуппе — неисчерпаем список блокадных премьер музыкальной редакции. С царственной непринужденностью Большой оркестр исполнял в концертах на весь мир Бетховена, Баха и Гайдна. И мир оценил это уважение к немецкой классике. Оценил это и сентиментальный немецкий слушатель в окопах. И лишний раз по-думал о несокрушимости этого с блеском концертирующего города. Задуматься можно было и раньше — ведь уже осенью 41-го в первом большом писательском радиовыступлении Б. Лавренев сказал: «Мы знаем и глубоко уважаем и любим подлинную Германию, Германию Гете, Шиллера, Германию Гумбольдта и Коха». В рождественскую ночь в декабре 41-го концертмейстер А. Висневский на маленьком органе наигрывал рождественские немецкие песни. На их фоне из немецкой редак-ции Ленинградского радио антифашист Фриц Фукс обращался к солдатам: зачем вы здесь в самый светлый семейный праздник? Зачем сюда пришли? Кто вас сюда звал? Зачем проводите святую ночь в окопах, вдали от дома, близких, родных?.. Эффект был не хуже пропагандистских листовок. Зато, когда гнали гитлеровцев в 44-м, блокадная совесть О. Берггольц, глядя на вражеские трупы в пригородах, не утерпела сказать, что ей их не жаль, она честно предупреждала в самом начале, чем это кончится. Предупреждала и в передачах немецкой редакции.

Раздуть впоследствии, в том числе и на основании материалов Ленрадио, проблему «ленинградоцентризма», а затем и Ленинградское дело было боль-шой пропагандистской ошибкой. Тема горячо любимого одного города в мате-риалах СМИ, в передачах радио теснейшим образом переплеталась с темами величия огромной страны, Москвы-столицы, пламенной любви ленинградцев к русским людям на Урале и в Сибири, к народам братских республик. Эта лю-бовь была взаимной: город защищали большие контингенты войск из Сибири, Казахстана, Татарстана и др.

Уже в сентябре 1941 г. «Правда» фиксировала каждую передачу из Ленинграда на страну. И первую, и вторую, и пятую... 30 отчетов в «Правде» за сентябрь—октябрь с упоминанием радио из Ленинграда — это ли не говорит о значении передач из Питера для страны! В тяжелые для столицы месяцы передачи из окруженного Ленинграда начинались обращением: «Слушай, Москва! Слушай, родная столица!» «Сегодня твоя оборона проходит сквозь наши сердца», — читал свои стихи Александр Прокофьев. «О любовь моя, жизнь и радость, Дорогая моя земля! Из отрезанного Ленинграда Вижу свет твоего Кремля» (О. Берггольц). Как же расточительно было после войны пренебречь этим колоссальным и кристально чистым патриотическим зарядом!..

Точеный облик фронтового города, созданный блокадным радио, запечатлен навеки в немногих чудом сохранившихся на пленках передачах. Их творческая история нынче вдвойне поучительна, ибо до сих пор швыряет нашу пропаганду в разные стороны в попытках создать сегодняшний имидж Петербурга — то банковский, то деловой, то туристский. И вновь продолжаются безжалостные «наезды» на питерские телерадиоканалы, лишь только те попытаются выскочить за пределы регионального уровня «великого города с областной судбой».

Н. В. ТУМИЛОВИЧ, Белорусский гос. ун-т (Минск), преподаватель

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БЕЛОРУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Тема Великой Отечественной войны на протяжении многих десятилетий является одной из основных в белорусской прессе. К ней обращались не только журналисты, но и писатели, особенно те, кто сам пережил события военного лихолетья.

Для А. Адамовича, к примеру, война стала основным ориентиром как внутренней жизни и осмысления себя и других в мире, так и творческой, литературной, научной и публицистической деятельности. Документальные сборники «Я из огненной деревни...» (1975, совместно с Я. Брылем и В. Колесником), «Блокадная книга» (1977, в соавторстве с Д. Граниным) стали одним из ярчайших свидетельств трагедии советского народа, символами памяти о жертвах Великой Отечественной войны.

Творческую документально-образную манеру Адамовича в осмыслении военной действительности продолжила в середине 1980-х годов С. Алексиевич. Ее книги «У войны не женское лицо», «Последние свидетели» представили новый взгляд на события военной поры, не всегда отражающий героические моменты, в отличие от большинства публикаций предыдущих лет. Творчество Алексиевич стало переходным моментом в освещении военной тематики в белорусской публицистике.

Особенно острые дискуссии развернулись в изданиях в постперестроечный период, в начале 1990-х годов когда появились многочисленные публикации в поддержку коллаборационистского движения, обвинения партизан в неоправданной жестокости по отношению к местному населению на оккупированной территории.

Подобный ракурс в оценке войны и переориентация моральных и гуманистических ценностей в сравнении с советской эпохой были и остаются характерными для частных, преимущественно оппозиционных изданий («Наша Ніва», «Народная воля»). Материалы этих газет, отражающие историю войны, написаны людьми разных поколений, принадлежащими и к числу ветеранов, и к тем, кто пережил войну детьми. Общим для них является то, что авторы показывают события 1941–1945 гг. с точки зрения, во многом противостоящей официальной политике. Акцент в отражении событий часто делается либо на репрессиях в предвоенные годы, потери от которых сопоставимы с жертвами войны, либо на доброжелательном отношении фашистов к мирным белорусским жителям, агрессии партизан по отношению к своим же соотечественникам. Однако публикации на военную тематику, мемуарного или исследовательского характера, не слишком часто появляются на страницах этих газет, даже в преддверии 65-летия Победы.

Официальные издания достаточно систематически освещают темы, связанные с Великой Отечественной войной. Новостные тексты, информирующие об историко-исследовательских мероприятиях, волонтерских акциях в поддержку ветеранов, результатах творческих конкурсов для молодежи, посвященных юбилею освобождения Беларуси и Победы, появляются регулярно на страницах «СБ — Беларусь сегодня», «Звезды», «Знамени юности», «Обозревателя», «7 дней» и других республиканских газет. Существуют отдельные рубрики, где публикуются интервью с участниками военных событий и их мемуары. Белорусское телеграфное агентство (БЕЛТА) совместно с ведущими информагентствами стран СНГ в 2010 г. реализует веб-проект, предполагающий размещение на сайте материалов, в том числе под рубриками «Общая Победа», «Пресса военных лет», «Ветераны сегодня» и «Портрет ветерана».

Нашу страну в советское время называли республикой-партизанкой, Беларусь потеряла в Великой Отечественной войне треть населения, 209 из 270 городов и поселков были разрушены, уничтожено более 9 тысяч деревень. Уважение к прошлому, почитание традиций — неотъемлемая черта белорусского менталитета. День независимости нашего государства отмечается 3 июля (день освобождения Минска в 1944 г.), что, несомненно, свидетельствует об уважении и благодарной памяти народа о тех, кто спас нашу республику и мир от фашизма.

События последних лет в балтийских государствах, Украине и Польше, связанные с осквернением памяти о советских воинах-освободителях, не нашли поддержки и вызвали резкую реакцию в большинстве отечественных СМИ. Тем не менее в освещении темы Великой Отечественной войны и ее последствий для Беларуси

в изданиях различной политической направленности сегодня существуют разногласия, касающиеся оценки действий советского руководства, военнослужащих и партизан, жителей оккупированных территорий и фашистов.

А. Г. ШКЛЯЕВ, Удмуртский гос. ун-т, доцент

ВСМОТРЕТЬСЯ В ЖИВУЮ ДУШУ

В суровые годы войны в Удмуртии всего за 16 месяцев была построена соединившая северную и южную магистрали страны стратегически важная железная дорога протяженностью 146 км: Ижевск — Балезино. Тогда, в силу засекреченности, она называлась объектом № 38.

Строили его в основном колхозники из 29 районов области — инвалиды, женщины и дети с 9—14 лет. Одновременно на стройке работало около 20 тыс. человек. Ими с помощью лопат и тачек и в стужу, и в жару было выполнено более 3 млн. кубометров земляных работ, произведена вырубка леса на трассе протяженностью более 95 км, возведены насыпи высотой 18 метров, сделаны выемки глубиной до 20 метров и т. д. Строительство это было столь трудное, условия столь невыносимые, порядки столь строгие, рельеф, состоящий из болот и гор, столь сложен, ошибок при строительстве, очевидно, было допущено так много, что об этом многие десятилетия предпочитали просто не вспоминать. Более того, много собранных документов, в том числе подшивка «боевых листов», оказалось уничтоженным в 1960-е годы. Нет и списков самих рядовых строителей. Строители, все заработанное которых сдавалось в Фонд обороны, не только не были вознаграждены, но спустя десятилетия при начислении пенсии труд детей 9—14 лет вовсе не был учтен на том основании, что по советской Конституции они вообще не имели права работать.

Есть две книги, которые составляют диалог времен по поводу этого безымянного подвига; одна написана по горячим следам еще в 1947 г. — «Народ на трассе. Хроника тылового фронта» А. Карцева, другая — документальная лирико-публицистическая повесть, изданная в 2003 г., «Дорога, ставшая судьбой» Н. Кралиной. Авторы этих книг встретились ещё на стройке — А. Карцев, прикомандированный из Москвы известный писатель, и Н. Кралина, студентка пединститута, комсорг, вместе с подругой — эвакуированной из Ленинграда студенткой Натальей Петри — выпускавшая «Боевые листки». Карцев больше общался с руководством, с инженерно-техническими работниками, а Кралина — больше с рядовыми строителями.

И книги свои написали уже в разное время. Притом книга А. Карцева подверглась цензуре и напроць была забыта. Н. Кралина, пробившая еще в годы «оттепели» молчание вокруг народного подвига, писала мемуары уже в эпоху гласности. Поэтому, говоря языком литературной критики 1960-х годов, один

отразил «генеральскую» правду, другой — «окопную», а здесь, точнее сказать, «котлованную». «Я дерзнула, опираясь на суть исторического факта — строгого, холодного, жестокого — заглянуть по другую сторону факта, изнутри многоликой массы, и всмотреться в меру своих сил, в живую душу народа. . .», — пишет Кралина и, пожалуй, точно обозначает ту разницу в освещении этого события по сравнению со своим предшественником. Карцев создает героический эпос, Н. Кралина говорит о своих чувствах, переживаниях, моральном состоянии и быте рядовых строителей. Поэтому правда войны для Кралиной не может быть полной без постановки вопроса о справедливости. Воссоздавая картины встреч с ветеранами строительства, вспоминая трудности тех лет, Кралина восклицает: «Мне нестерпимо больно сознавать, что поколение, которое принесло народам такую Победу. . . доживает свой век в ожидании подачек от ставшего неродным государства, называемых ветеранскими пенсиями». Но даже не на обидах акцентирует мысль Кралина, а на том, что «слезы старых уйдут вместе с ними в землю. . . а дети навсегда лишатся счастья сочувствия, трогającego до слез [чувства] единения душ двух поколений: уходящего и пришедшего ему на смену. Так рвется связь времен. . .».

Диалог по поводу строительства дороги Ижевск — Балезино не завершен, ибо все его участники — и оставшиеся 6 тыс. ветеранов, и те, кто пишет о них, чувствуют какую-то недоговоренность: будто события войны все еще находятся под завесой секретности, хотя за всем этим стоит обыкновенное равнодушие тех государственных чиновников, которые должны неформально решать социальные вопросы ветеранов и проблемы преемственности поколений.